

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	46
Глава 7	61
Глава 8	70
Глава 9	89
Глава 10	107
Глава 11	122
Глава 12	128
Глава 13	147
Глава 14	159
Глава 15	170
Глава 16	183
Глава 17	194
Глава 18	214
Глава 19	232
Глава 20	248
Глава 21	269
Глава 22	280
Глава 23	295
Глава 24	308
Глава 25	328

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Треклятый резной каменный крест на фасаде	351
2. На семь дюймов ниже уровня пола и проседает дальше	363
3. Могильные зубищи и домашние котики	384
4. Искусственный дефицит красноголовых нырков	395
5. Кваннон, мир, безмолвие или скорбь	418
6. Слепой бы увидел	441
7. Альый тлеющий огонек в ночи	456
8. Уиггинз-второй сегодня благополучно прибыл в Нью-Йорк	473
9. Очень многие велосипедисты покупают у нас соковыжималки	491
10. Букетик белых фиалок	497
11. Колесо времени	512
12. Крыса. Сраная крыса	538
13. «Я велю Лукану Адлеру убить любого, кто наступит в полицию»	551
14. Не хуже бейсболиста	565
15. Паника 93-го	571
16. Бог мог бы ему позавидовать	586

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая	608
Глава вторая	618
Глава третья	623
Глава четвертая	633
Глава пятая	641
Глава шестая	654
Глава седьмая	665
Глава восьмая	674
Глава девятая	681
Глава десятая	693

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1.....	701
2.....	702
3.....	719
4.....	721
5.....	725
6.....	729
7.....	743
8.....	751
9.....	755
10.....	763
11.....	769
Эпилог	788
Благодарности	794
Несколько слов от переводчика	796

*Эта книга посвящается Ричарду Кертису,
бесценному лиагенту и дорогому другу,
который разделяет мою любовь к бейсболу
и мистеру Генри Джеймсу*

Часть первая

Глава 1

Дождливым мартом 1893 года по причине, никому не ведомой (главным образом потому, что никто, кроме нас, об этой истории не знает), проживающий в Лондоне американский писатель Генри Джеймс решил провести свой день рождения, пятнадцатое апреля, в Париже и там, в самый день рождения либо накануне, покончить с собой, утопившись в Сене.

Я могу сообщить вам, что Джеймс той весной находился в глубокой депрессии, но не могу сказать, почему именно. Разумеется, он пережил кончину близкого человека: годом раньше, 6 марта 1892-го, умерла от рака груди его сестра Алиса, однако для нее нездоровье много десятилетий было образом жизни, а страшный диагноз стал надеждой на избавление. Как призналась Алиса своему брату Генри, смерть ей давно желанна. Сам Генри, по крайней мере в письмах к друзьям и родным, выражал полное согласие с такими настроениями сестры, вплоть до того, что описал, как очаровательно выглядело ее мертвое тело.

Быть может, незадокументированная хронистами депрессия усиливалась тем, что в предшествующие годы книги Джеймса продавались довольно плохо: «Бостонцы» и «Княгиня Казамассима», написанные в 1886-м и вдохновленные медленным умиранием

Алисы, а также ее «бостонским браком»¹ с Ката-риной Лоринг, провалились и в Англии, и в Аме-рике. Поэтому к 1890 году Джеймс начал писать для театра. Хотя его инсценировка «Американца» имела лишь умеренный успех, да и то не в Лон-доне, а в провинции, он уверил себя, что именно театр принесет ему богатство. Однако уже к началу 1893-го Джеймс начал осознавать, что льстил себя не-сбыточными надеждами. Прежде чем роль эта ото-шла Голливуду, именно английский театр притяги-вал к себе литераторов, которые — подобно Генри Джеймсу — понятия не имели, как написать успеш-ную пьесу для широкой публики.

Биографы лучше поняли бы эту внезапную глу-бокую депрессию, случись она не в марте 1893-го, а весной 1895-го, когда Джеймса, неосторожно вышедшего на поклон после лондонской премье-ры «Гая Домвилла», ошарашивает и освищет публика. Люди, заплатившие за билеты (в отличие от свет-ских дам и джентльменов, которым Джеймс пошлет контрамарки), не читавшие его романы и даже не слышавшие о нем как о литераторе, будут свистеть и шикать, исходя из достоинств самой пьесы. А «Гай Домвилл» будет очень, очень плохой пьесой.

Даже раньше, всего год спустя, когда в январе 1894 года его приятельница Констанция Фенимор

¹ «Бостонским браком» в конце XIX — начале XX в. в Новой Англии называли совместное проживание двух не-замужних женщин. Термин предположительно восходит к роману Генри Джеймса «Бостонцы», хотя сам Джеймс его не употреблял. «Бостонский брак» обычно подразумевал ро-мантическую дружбу, но совсем не обязательно то, о чем в первую очередь подумает современный читатель. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Вулсон выбросится из окна венецианского дома (возможно, потому что Генри Джеймс не придет к ней в Венецию, как обещал), писатель впадет в страшную депрессию, усиленную чувством собственной вины.

К концу 1909 года стареющего Джеймса настигнет еще более глубокая депрессия — настолько глубокая, что его старший (и умирающий от болезни сердца) брат Уильям пересечет Атлантику, чтобы буквально держать Генри за руку в Лондоне. В те годы Генри Джеймс будет оплакивать «сокрушительно низкие продажи» так называемого Нью-Йоркского собрания своих трудов, на которое потратит пять лет, переписывая длинные романы и снабжая каждый пространством предисловием.

Впрочем, в марте 1893-го до этой последней депрессии оставалось шестнадцать лет. Мы не знаем, чем именно Джеймс был удручен в ту весну и почему внезапно решил, что покончить с собой в Париже — единственный для него выход.

Одной из причин мог стать тяжелый приступ подагры, который Джеймс пережил холодной английской зимой 1892—1893 годов, — тогда он вынужден был отказаться от ежедневного моциона и еще больше располнел. А возможно, дело было просто в том, что в апреле ему исполнялось пятьдесят — рубеж, вгонявший в тоску и более сильные натуры.

Мы никогда не узнаем.

Однако мы знаем, что именно с этой депрессии — и вызванного ею намерения свести счеты с жизнью, утопившись в Сене пятнадцатого апреля либо раньше, — начинается наша история. Итак, в середине марта 1893 года Генри Джеймс (он пе-

рестал добавлять к фамилии «младший» вскоре после смерти своего отца в 1882 году) написал из Лондона родным и друзьям, что задумал «немного отдохнуть от ежедневных сочинительских трудов и встретить весну, а равно мой полувековой юбилей в солнечном Париже, прежде чем присоединиться к брату Уильяму и его семье во Флоренции». Но писатель не собирался в конце апреля ехать во Флоренцию.

Упаковав табакерку с краденым прахом сестры Алисы, Джеймс сжег письма от мисс Вулсон и нескольких знакомых молодых людей, вышел из чисто прибранной квартиры в Девир-гарденс, сел на поезд, приходящий к пакетботу в Шербур, и прибыл в Город Света вечером следующего дня — более сырого и холодного, чем даже в стылом мартовском Лондоне.

Он поселился в гостинице «Вестминстер» на Рю-де-ля-Пэ, где как-то пробыл месяц, сочиняя рассказы, в том числе своего любимого «Ученика». Впрочем, слово «поселился» в данном случае не вполне уместно: писатель не имел намерения провести в гостинице несколько недель до своего дня рождения, к тому же плата за номер в «Вестминстере» была по его нынешним стесненным обстоятельствам чрезмерно высока. Он даже не стал распаковывать чемодан, поскольку не планировал прожить еще ночь — здесь, да и вообще на земле, поскольку внезапно решил не тянуть с принятым решением.

После прогулки по сырым и холодным садам Тюильри и одинокого обеда (он не стал искать встречи с парижскими друзьями или гостящими

в городе знакомцами) Генри Джеймс выпил последний бокал вина, надел шерстяное пальто, убедился, что запечатанная табакерка по-прежнему в кармане, и, стуча по мокрым камням бронзовым накопчиком закрытого зонта, зашагал сквозь тьму и морозящий дождь к избранному месту близ Пон-Нёф — Нового моста. Даже неспешной походкой корпулентного джентльмена дотуда было меньше десяти минут ходьбы.

Величайший мастер слова не оставил предсмертной записки.

Глава 2

Место, где Джеймс наметил расстаться с жизнью, располагалось всего лишь в шестидесяти ярдах от широкого, ярко освещенного Пон-Нёф, но здесь, под мостом, было темно, и еще темнее — на нижнем ярусе набережной, где черная холодная Сена плескала о замшелые камни. Даже днем это место бывало почти безлюдным. Джеймс знал, что иногда здесь стоят проститутки, но не в такую промозглую мартовскую ночь, — сегодня они держались ближе к своим гостиницам на Пляс-Пигаль или отлавливали клиентов в узких улочках по обе стороны сияющего огнями бульвара Сен-Жермен.

К тому времени, как Джеймс, стуча зонтиком, добрался до стрелки набережной, которую присмотрел при свете дня — она была в точности такой, какой он запомнил ее по прошлым визитам в Париж, — стемнело уже настолько, что он не видел, куда идет. Дождь украсил фонари на другом берегу Сены ироническими нимбами. Барж и катеров почти не было.

Джеймсу пришлось нащупывать последние ступени зонтом, как слепому — тростью. Лужи и усилившийся дождь отчасти приглушали скрип колес и стук копыт на мосту, так что привычные звуки казались далекими и отчасти даже нереальными.

Джеймс скорее ощущал, слышал и обонял огромность реки, нежели видел ее в кромешном мраке. Лишь когда наконечник зонта, не найдя мостовую, завис над пустотой, Джеймс замер на узком конце стрелки. Он знал, что дальше ступеней нет, лишь шести- или семифутовый обрыв к стремительной черной воде. Еще шаг — и со всем будет покончено.

Джеймс достал из внутреннего кармана табакерку слоновой кости и погладил ее пальцами. Движение это напомнило ему прошлогоднюю заметку в «Таймс», где утверждалось, что эскимосы не создают украшений для глаз, но обтачивают камешки, чтобы радовать осязание в долгие месяцы северной зимы. Мысль вызвала у Джеймса улыбку. Он чувствовал, что для него северная зима оказалась чересчур долгой.

Когда год назад в крематории он украл несколько щепоток Алисиного праха — Катарина Лоринг меж тем ждала сразу за дверью, чтобы забрать урну в Кембридж и похоронить на кладбище, где у Джеймсов был свой уголок, — то искренне собирался развеять его там, где младшая сестра была всего счастливее. Однако шли месяцы, и Джеймс все яснее осознавал неисполнимость этой идиотской миссии. *Где?* Он помнил хрупкое счастье Алисы, когда они оба были куда младше и путешествовали по Швейцарии с тетушкой Кейт, дамой основательной и склонной

все трактовать буквально, как гамлетовский могильщик. За недели вдаль от семьи и американского дома предрасположенность Алисы к нервической болезни, уже тогда довольно выраженная, заметно ослабела — так что поначалу Джеймс думал отправиться в Женеву, где они вместе хохотали и состязались в остроумии, в то время как бедная тетушка Кейт не понимала их ироническую словесную игру, весело подтрунивали друг над другом и над тетушкой, прогуливаясь по регулярным садам и променадам у озера.

Однако в конце концов Джеймс решил, что Женева — место для задуманного не вполне правильное. В той поездке Алиса лишь разыгрывала «выздоровление» от болезни, а он, в свою очередь, разыгрывал соучастие в ее хрупкой радости.

В таком случае — участок под Ньюпортом, где Алиса выстроила свой домик и прожила год, внешне совершенно здоровая и всем довольная.

Нет. То было начало ее дружбы с мисс Лоринг, а за месяцы, прошедшие с похорон сестры, Джеймс ощущал все острее, что мисс Катарина П. Лоринг и без того занимала в жизни Алисы непомерно большое место.

В итоге он так и не придумал, где развеять эти жалкие щепотки пепла. Может быть, Алиса была близка к счастью лишь в ньюпортские, а затем кембриджские месяцы или годы до того, что назвала «ужасным летом», когда, 10 июля 1878 года, их старший брат Уильям обвенчался с Алисой Гиббенс. Много лет сам Уильям, ее отец, ее брат Гарри, братья Боб и Уилки, а также бесчисленные гости шутили, что Уильям женится на ней, Алисе. Она всегда

сердилась на дежурную шутку, но теперь — после долгих лет ее самовнушенной болезни, а затем и смерти — Генри Джеймс осознал, что Алиса отчасти поверила в свой брак с Уильямом и была совершенно раздавлена, когда он женился на другой — на девушке, по жестокой иронии тоже носившей имя Алиса.

Как сестра однажды сказала Генри Джеймсу, в то лето, когда Уильям женился, она «погрузилась в морскую бездну, и темные волны закружились над ее головой».

Так что в эту, последнюю ночь он решил, что просто сожмет в руках табакерку с останками несбывшегося Алисиного бытия и вместе с нею шагнет в черные воды забвения. Джеймс знал, что должен загасить писательское воображение и не гадать, будет ли река обжигающе холодной и не станет ли он — понуждаемый атавистической жаждой жизни в тот миг, когда грязная вода Сены хлынет в его легкие, — барахтаться в отчаянной попытке доплыть до отвесного замшелого уступа.

Нет, думать надо об одном: о том, что боль останется позади. Полностью очистить мозг — задача, которая никогда ему не давалась.

Джеймс занес ногу над пустотой.

И внезапно понял, что черный силуэт, который он принимал за столб, на самом деле человек, стоящий менее чем в двух футах от него. Теперь Джеймс видел лицо с орлиным профилем, отчасти скрытое низко надвинутой мягкой шляпой и поднятым воротником дорожного плаща с пелериной, более того, слышал даже дыхание незнакомца.

Сдавленно вскрикнув, Джеймс неловко сделал шаг назад и в сторону.

— *Pardonnez-moi, Monsieur. Je ne vous ai pas vu là-bas*¹, — выговорил он, ничуть не покрывив душой, так как и впрямь поначалу не заметил этого человека.

— Вы англичанин, — произнес высокий силуэт.

В его английском явственно слышался скандинавский акцент. Шведский? Норвежский? Джеймс не мог определить точно.

— Да. — Джеймс повернулся к ступеням, чтобы идти прочь.

И в это время мимо прошел редкий для такого времени «Бато Муш», парижский речной трамвай; яркие фонари на его правом борту выхватили из тьмы лицо высокого незнакомца.

— Мистер Холмс! — невольно вырвалось у Джеймса.

От неожиданности он попятился. Его левый каблук навис над пустотой, и неудачливый самоубийца все же оказался бы в реке, если бы высокий джентльмен с быстротой молнии не ухватил его за грудки и рывком не втащил обратно на стрелку.

Назад к жизни.

— Как вы меня назвали? — спросил незнакомец, по-прежнему крепко держа Джеймса за пальто. Скандинавский акцент совершенно исчез. Голос был отчетливо культурный английский и никакой больше.

¹ Извините, мсье. Я вас не заметил (*фр.*).

— Приношу извинения, — запинаясь, проговорил Джеймс. — Видимо, я обознался. Простите, что нарушил ваше одиночество.

Произнося эти слова, Генри Джеймс не только знал, что перед ним именно Холмс — хотя волосы у высокого англичанина были темнее и гуще, чем в их прошлую встречу (тогда они лежали прилизанными, сейчас жестко топорщились), над верхней губой появились пышные усы, а форма носа слегка изменилась за счет актерской мастики или чего-то в таком роде, — он не менее отчетливо понимал и другое: за миг до его появления из тьмы, о котором возвестило мерное постукивание зонтика, детектив и сам намеревался броситься в Сену.

Генри Джеймс чувствовал себя по-дурацки, однако, раз увидев лицо и услышав фамилию, он запоминал их на всю жизнь.

Он попытался было шагнуть прочь, но сильные пальцы по-прежнему держали его за пальто.

— Как вы меня назвали? — требовательно повторил высокий джентльмен. Тон его был холоден, как сталь на морозе.

— Я принял вас за человека, с которым однажды встретился. Его звали Шерлок Холмс, — выдавил Джеймс, мечтая об одном: очутиться в постели в своей комфортабельной гостинице на Рю-де-ля-Пэ.

— Где мы встречались? — спросил джентльмен. — Кто вы?

Джеймс ответил лишь на второй вопрос:

— Меня зовут Генри Джеймс.

Во внезапной панике он едва не добавил давно отброшенное «младший».

— Джеймс, — повторил мистер Шерлок Холмс. — Младший брат великого психолога Уильяма Джеймса. Вы — американский сочинитель, живущий по большей части в Лондоне.

Даже в смятении от физического контакта с другим человеком Джеймс почувствовал острую обиду: его называли младшим братом «великого» Уильяма Джеймса. Пока старший брат в 1890 году не опубликовал свои «Основания психологии», его вообще не знали за пределами узкого гарвардского кружка. Книга, по неведомым Генри причинам, принесла Уильяму международную славу среди интеллектуалов и других исследователей человеческого разума.

— Соблаговолите немедленно меня отпустить, — произнес Джеймс самым суровым тоном, какой мог изобразить.

В ярости от чужого прикосновения он позабыл, что Холмс — а это определенно был Шерлок Холмс — только что спас ему жизнь. А может, спасение еще увеличило его счет к горбоносому англичанину.

— Скажите, где мы встречались, и отпущу, — ответил Холмс, все так же сжимая его лацканы. — Меня зовут Ян Сигерсон, я довольно известный норвежский путешественник.

— В таком случае тысяча извинений, сэр, — проговорил Джеймс, не чувствуя за собой и тени вины. — Я, очевидно, ошибся. На секунду в темноте мне почудилось, что вы — джентльмен, с которым я познакомился четыре года назад на чайном приеме в Челси. Прием давала знакомая мне американка, миссис Т. П. О'Коннор. Я прибыл с леди Вулзли и другими членами литературного и театрального